

УДК 343.9(470+571)

DOI 10.17150/2500-4255.2017.11(2).247-257

ПРИЧИНЫ ПРЕСТУПНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ПРОБЛЕМА ОБОСТРАЕТСЯ

В.А. Номоконов

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления

19 августа 2016 г.

Дата принятия в печать

28 апреля 2017 г.

Дата онлайн-размещения

21 июня 2017 г.

Ключевые слова

Преступность; криминология;
причинность в криминологии;
причинный комплекс преступности;
социальная патология

Аннотация. Общей чертой многих криминологических работ является явно недостаточное внимание к детерминации и причинности преступности как в целом, так и отдельных ее частей. Следует определиться с вопросом о том, возможно ли, находясь только в рамках криминологии, глубоко познать особенности причинного комплекса преступности, если она, в свою очередь, является частью более общего объекта — социальной патологии. Сложность и неразрешенность целого ряда проблем, к числу которых относится и проблема причинности в криминологии, обусловлены чрезмерной узостью «поля зрения» отдельных наук.

Социальная патология любого вида является следствием определенного нарушения баланса, конфликта интересов субъектов общественной жизни — личности, социальной группы, общества, государства, государств и т.д.

Те или иные социальные деформации выражают ущербность общества и (или) личности, социальное отчуждение, создают очаги социальной напряженности и вызывают деструктивное поведение.

С учетом результатов последних научных исследований в критической переоценке нуждается уже ставший традиционным вульгарно-материалистический подход к объяснению причин преступности.

Социальная патология чаще всего проявляется в двух формах — социальный паразитизм (жизнь одних субъектов за счет других) и конфликтность (экстремизм, агрессия, насилие, устрашение, уничтожение). Обе формы объединяет отчуждение (отношение одной части населения к другой лишь как к средству для удовлетворения собственных потребностей или отвержение от других и даже от себя). Отчуждение (аномия) бывает двух видов: первый формирует и (или) отражает корыстную направленность индивида, а второй — агрессивную.

Причинный комплекс преступности в современной России — это совокупность деформаций, выступающих как своего рода королевство кривых зеркал. Ущербность социума проявляется в реальном наличии внутри него теневой власти (теневое государство), теневой «права», теневой экономики, теневых социальных сил и теневой идеологии.

CAUSES OF CRIME IN CONTEMPORARY RUSSIA: THE PROBLEM IS GETTING WORSE

Vitaly A. Nomokonov

Far Eastern Federal University, Vladivostok, the Russian Federation

Article info

Received

2016 August 19

Accepted

2017 April 28

Available online

2017 June 21

Keywords

Crimes; criminology;
causality in criminology;
causal complex of crimes;
social pathology

Abstract. The common feature of many criminological works is insufficient attention to the determination and causality of both criminality in general and of its specific components. It is necessary to decide if it is possible to gain a deep understanding of the causal complex of crime while staying within the framework of criminology if it is a part of a more general object — social pathology. So many problems, including the problem of causality in criminology, remain complex and unsolved due to a very narrow «range of vision» of specific sciences.

Social pathology of any kind is the consequence of a certain violation of balance, a conflict of interests of public life subjects — a person, a social group, society, the state, states, etc. Different social deformations manifest the drawbacks of the society and (or) a person, social alienation, create hotbeds of social tensions and cause destructive behavior.

Latest research results make it necessary to undertake a fundamental reassessment of traditional vulgar-materialistic approach to the causes of crime.

Social pathology is most commonly manifested in two forms — social parasitism (life

of some subjects at the cost of others) and conflicts (extremism, aggression, violence, intimidation, destruction). Both forms are united by alienation (attitude of one part of the population to the other part as just a means for satisfying their needs or alienation from others or even from oneself). Alienation (anomie) can be of two types: the first one shapes and (or) reflects the mercenary orientation of a person, the second one — the aggressive orientation.

The causal complex of crimes in contemporary Russia is an aggregate of deformations that act as a kingdom of curved mirrors. The flawed nature of society is manifested through the actual existence of shadow power (shadow state) inside it, the existence of shadow «law», shadow economy, shadow social forces and shadow ideology.

Безуспешность борьбы мирового сообщества с глобализирующимся терроризмом, на мой взгляд, в немалой степени связана с отсутствием ясного понимания (если не с игнорированием) причин его, казалось бы, странной популярности среди молодежи ряда стран, а также его массового распространения на планете. Нынешняя беспомощность российского государства в противодействии коррупции опять-таки во многом объясняется отсутствием глубокого исследования либо неким игнорированием ее причин. Среди огромного количества литературы о коррупции вы практически не найдете более или менее удовлетворительного объяснения корней этого явления. В целом, думается, общая черта многих криминологических изысканий — явно недостаточное внимание к вопросу детерминации и причинности преступности как в целом, так и отдельных ее частей. Число работ, посвященных специально этому вопросу, в последние годы можно пересчитать по пальцам, да и в тех проблема причин преступности, как мне представляется, так и остается по большей части далекой от решения [1–4]. Это характерно в общем и для зарубежной криминологии, несмотря на наличие ряда достаточно глубоких и интересных работ [5–10].

В этой связи вспоминается известное ленинское положение о невозможности решить частные вопросы, не решив предварительно общих. К числу таких общих вопросов относится вопрос адекватности методов исследования закономерностям их объектов. Далеко не случайно сейчас все громче слышны голоса тех, кто призывает к поискам и использованию новой методологии в гуманитарных науках, правоведении и криминологии. Применительно к причинности преступности следует определиться с вопросом о том, возможно ли, находясь только в рамках криминологии, глубоко познать особенности причинного комплекса преступности, если она, в свою очередь, является частью бо-

лее общего объекта — социальной патологии (девиантности, социальных отклонений), т.е. массива правонарушений, военных конфликтов, аморализма, паразитизма, наркотизма и т.п. Здесь, разумеется, встает и вопрос о том, существуют ли так называемые специфические причины преступности или они являются общими и для других видов социальной патологии. Представляется, что на сегодня возможности такого более широкого междисциплинарного подхода далеко не исчерпаны и остро нуждаются в реализации.

Думаю, что следует всячески приветствовать идею Г.Н. Горшенкова о «расширенной» криминологии [11], поскольку накопленный к настоящему времени массив знаний в отраслях наук криминологического цикла объективно требует теперь уже интегративного подхода к анализу и обобщению данных, полученных в результате исследований в рамках соответствующих наук. Однако вместе с тем надо видеть и более масштабную задачу, связанную с использованием еще более широкого объема информации, накопленной в целом в гуманитарных науках. Сложность и неразрешенность целого ряда проблем, к числу которых относится и проблема причинности в криминологии, по моему мнению, обусловлены чрезмерной узостью «поля зрения» отдельных наук.

Многие авторы, обращаясь к данной проблеме, пытаются решить ее, оставаясь в рамках собственно криминологии. На мой взгляд, проблема причин преступности и вообще причинности в конечном счете может быть решена только совместными усилиями представителей всех гуманитарных наук. Это связано с тем, что преступность как социальное явление — не только и не столько правовой и криминологический феномен. Преступность как форма противостояния личности и государства — это прежде всего политическая проблема. Но она имеет также социологическое, экономическое и психологическое измерение, а значит, может и долж-

на исследоваться с помощью специфических методов соответствующих отраслей знания. Разумеется, мы должны иметь в виду и известную условность, «конвенциональность» объема криминализированных деяний, отнесенных уголовным законом к числу преступных. Это тем более обязывает к известному выходу за пределы собственно криминологии.

На мой взгляд, социальная патология любого вида является следствием определенного нарушения баланса, конфликта интересов субъектов общественной жизни — личности, социальной группы, общества, государства, государств и т.д.

Гармоничные, сбалансированные общественные отношения социально однородного общества исключают объективную основу для аморального, антиобщественного или противоправного поведения. «В нормально функционирующем обществе, — как верно отметил американский криминолог В. Фокс, — отношения между людьми гармоничны. Преступность и насилие возникают, когда общество дезорганизовано и бьется в тисках социальных и экономических проблем» [12, с. 22].

Те или иные социальные деформации выражают ущербность социума и (или) личности, социальное отчуждение, создают очаги социальной напряженности и вызывают деструктивное поведение. Более конкретное выделение элементов причинного комплекса социальной патологии и преступности можно произвести, оговорив, разумеется, что это делается на уровне научных гипотез и требует специального исследования.

В решении проблемы причин преступности есть и другая крайность. Ряд криминологов (Ю.Д. Блувштейн, Я.И. Гилинский, А.М. Яковлев) утверждают, что криминологическая теория может обойтись без помощи концепции специфических причин преступности. Большая сложность разграничения причин преступности и иной социальной патологии, тем не менее, на мой взгляд, не может служить поводом для отказа от выявления специфических особенностей, свойственных факторам, порождающим именно преступность. Актуальной задачей в этом плане как раз и является обнаружение специфики в характере и степени деформаций, которые создают наиболее высокую вероятность именно преступного поведения.

Преступность относится к крайней, наиболее опасной форме негативных явлений. По-

этому можно предположить, что, во-первых, она порождается наиболее острыми деформациями экономического и социального развития, достигающими степени социальных конфликтов. Во-вторых, преступность — это нередко непосредственный результат разрастания других, менее опасных негативных явлений. Последние усиливают возникшие деформации и вызывают, в свою очередь, преступные посягательства. В-третьих, возможно, преступность или некоторые ее виды соотносятся с другими видами социальной патологии также по принципу так называемых сообщающихся сосудов. Скажем, снижение уровня убийств сопровождается увеличением суицида, что мы сегодня наблюдаем в отношении несовершеннолетних (подробнее об этом в конце статьи). В-четвертых, от законодателя зависит конкретное отнесение общественно опасных деяний к кругу преступлений или иных правонарушений, и поэтому в данной части разграничить детерминанты преступлений или правонарушений определенного вида не представляется возможным. Во всяком случае, если и есть в действительности искомые специфические причины именно преступного поведения, общего в детерминации названных явлений все же больше, чем особенного. Не случайно в предмет криминологии, как правило, включают и так называемые фоновые явления, что вполне оправданно.

Представляется, что с учетом результатов последних научных исследований в критической переоценке нуждается уже ставший традиционным вульгарно-материалистический подход к объяснению причин преступности. Речь идет о том, что в причинном комплексе преступности обычно к ключевым его элементам относили экономические или даже политические (ваш покорный слуга) деформации. Например, по мнению И.В. Рывкиной, главный генератор социальных болезней в России — государство [13, с. 51]. Однако сегодня на основной философский вопрос о соотношении бытия и сознания, материи и сознания мы уже не можем отвечать столь категорично, как раньше. И на уровне преступности в целом, и на уровне индивидуального преступного поведения роль субъективных факторов — общественного сознания и индивидуальной социально-нравственной направленности личности, по сути, равнозначна влиянию факторов объективных, находящихся в обществе в целом либо в микросреде конкретного лица. Известное выражение К. Маркса

«Обстоятельства в такой же мере творят людей, в какой люди творят обстоятельства» [14, с. 37] сегодня правомерно может звучать и так: люди в такой же мере творят обстоятельства, в какой обстоятельства творят людей. «Материалистическое учение о том, — писал сам Маркс, — что люди суть продукты обстоятельств и воспитания, что, следовательно, изменившиеся люди суть продукты иных обстоятельств и измененного воспитания, — это учение забывает, что обстоятельства изменяются именно людьми и что воспитатель сам должен быть воспитан...» [там же, с. 2]. Все мы — не пешки и не жертвы непреодолимой фортуны, а субъекты, имеющие возможность выбора и отвечающие за свой выбор, будь то президент или правительство, жизненный путь или преступление.

А если это так, то для эффективного противодействия преступности вообще и отдельным ее видам в частности требуется уже иная методология и идеология как всего человечества, так и отдельных государств¹. Новая идеология нужна не только для борьбы с преступностью, но и для формирования государственной и даже мировой политики. Думаю, что речь должна идти не только об идеологии отдельно взятого государства, но и в самом ближайшем будущем об единой идеологии чудовищно расколотого пока человечества — идеологии человеческой солидарности, в основе которой — дух коллективизма, приоритет духовных ценностей перед материальными, общего интереса перед частными, в противовес идеологии общества потребления, индивидуализма, отчуждения граждан от государства, войны всех против всех и другой патологии.

Социальная патология чаще всего проявляется в двух основных формах — социальный паразитизм (жизнь одних субъектов за счет других) и конфликтность (экстремизм, агрессия, насилие, устрашение, уничтожение). Обе формы объединяет отчуждение: отношение одной части населения к другой лишь как к средству для удовлетворения собственных потребностей или отвержение от других и даже от себя.

Представляется, что отчуждение (аномия) личности, как следствие разрыва социальных связей, находит свое выражение в двух основных видах: первый формирует и (или) отражает корыстную направленность индивида, а

второй — агрессивную. Такой вывод вытекает также из типологической классификации всех людей по их социальной направленности на созидателей, потребителей и разрушителей. Стержнем типа личности как социального существа является тип ее направленности. В свою очередь, тип направленности личности в психологии — это доминирующая мотивация, определяющая избираемые индивидом жизненные цели, ценностные ориентации и способы самутверждения [15, с. 147–152]. Мотивация к потреблению и разрушению при неблагоприятном нравственном развитии формирует личности соответственно будущего корыстного или насильственного преступника.

Глобальные факторы преступности. В последнее время криминологи все большее внимание обращают на криминогенное влияние общемировых процессов. Данная проблема заметно актуализировалась в связи с развитием нового мирового финансового кризиса. Но и независимо от этого нельзя не обратить внимание на негативные последствия, связанные с процессом экономической глобализации вообще. Как верно отмечает А. Ваджра, по сути вся международная правовая и институциональная система превратилась в фикцию, прикрывающую собой нарастающий мировой хаос, в котором все решает сила и влияние избранных, негласно подчинивших своей воле и правила, и законы, и даже здравый смысл. За антуражем так называемой мировой демократии скрывается глобальная тоталитарная система, выстраивавшаяся в течение последних ста лет транснациональной олигархией, которая определяет судьбу всего человечества [16]. Это положение разделяет и известный экономист М. Делягин. По его мнению, за последние годы в мире сформировался качественно новый глобальный господствующий класс, не привязанный прочно ни к одной стране или социальной группе, не имеющий никаких внешних для себя обязательств [17]. Участники Всемирного философского форума (Афины, 2015 г.) в качестве негативного отмечали факт всемирного доминирования финансовых воротил и, соответственно, международной олигархии².

В результате вполне закономерно происходит усиление мирового социального расслоения на супербогатые страны и сверхбедные, увеличивается взаимная уязвимость нацио-

¹ Манифест постматериалистической науки. URL: <http://eroskosmos.org/manifesto-of-post-materialistic-science>.

² Всемирный 7-й диалектический симпозиум. URL: <http://wpf-unesco.org/rus/prgwork-r.htm>.

нальных финансовых систем, государства все больше теряют собственный суверенитет в пользу транснациональных корпораций. Так, разрыв в уровне благосостояния 20 % развитых и 80 % отсталых стран стремительно возрастает и уже к началу 1990-х гг. достигал отметки в 150 раз [18; 19, с. 25], а сейчас он, судя по всему, намного больше. Сегодня 147 крупнейших корпораций владеет больше чем половиной мировых ресурсов [20, с. 19; 21, с. 135]. Состояние 1 % населения планеты составило в 2016 г. 125 трлн дол. и превысило состояние 99 % населения³.

Мировой процесс глобализации стал объективной экономической основой, с одной стороны, глобализации преступности, расширения ее масштабов, а с другой — обострения экономической и криминальной ситуации во многих странах мира.

Криминогенное влияние глобализации на мир в целом выразилось прежде всего в росте уровня социальной напряженности, агрессивности и насилия, высшей точкой которых стал как групповой, так и индивидуальный террор (события в США — сентябрь 2001 г., Норвегии — июль 2012 г., на Украине — 2014–2017 гг., в странах арабского мира — постоянно). Глобализация, помимо прочего, повлекла за собой беспрецедентное расслоение общества, характерное не только для стран «золотого» миллиарда, но и для всего населения Земли; падение уровня нравственности, общей и правовой культуры; нарастание этнических и националистических противоречий и соответствующих настроений среди значительной части населения большинства стран. Сказанное в полной мере относится и к России. «Драма России заключается в том, — отмечает А.И. Долгова, — что ее интеграция в мировую экономическую систему оказалась жизненно важной не столько для России, сколько для крупного транснационального капитала» [22, с. 433].

Политические детерминанты преступности. Криминологи по сей день еще недостаточно глубоко исследовали связь деформаций в политической сфере общества (особенно современного) с преступностью. Расхожая поговорка «Политика — грязное дело» означает, что и участвующие в ней политики не могут оставаться

«белыми и пушистыми». Ведь «нередко именно они [политические деформации] определяют и экономические, и социальные отношения: их негативные стороны, влияющие на преступность, в ряде случаев являются первичными» [4, с. 66]. В последние годы существования советского государства эти деформации затронули не только сферу экономики, они прямо негативно сказались на политической власти в стране. В результате, как известно, произошел развал СССР, резко ослабла «вертикаль власти» уже в России. Закономерно усилились сепаратистские тенденции, приведшие к войне на Кавказе. Мы стали свидетелями и беспрецедентной силовой конфронтации ветвей власти в октябре 1993 г. Всему обществу де-факто был дан сигнал на будущее об утверждающемся негласно приоритете целесообразности над законностью.

Основной деформацией постсоветской России 1990-х гг. стало установление под флагом либерализма, как полагают многие эксперты, кланового, а по сути криминально-олигархического режима. В результате произошло существенное перерождение государства, реальная политическая власть в стране оказалась практически в руках небольшой, но сплоченной группы олигархов или близких им людей [23, с. 21; 24, с. 73; 25, с. 435].

В.В. Путин прямо признал в одной из статей, что в России «значительная часть экономики контролировалась олигархическими или откровенно криминальными структурами», существовала «практика принятия государственных решений под давлением сырьевых и финансовых монополий», «не только национальные интересы, но и элементарные потребности миллионов людей цинично игнорировались» [26].

Как отмечают эксперты, «весь государственный механизм России настроен на генерацию безнравственности, социал-дарвинистских настроений и реальных укладов. Быстро формируется алчный клан меньшинства. Он захватывает и переформатирует нормативное и законодательное пространство, деформирует под форматы вульгарного либерализма образование, культуру, СМИ, Интернет и настраивает их на построение модели человека — потребителя, гедониста, индивидуалиста» [27, с. 12].

Серьезнейшей деформацией государственности является и тотальная коррумпированность, которая повлекла за собой проникновение во властные структуры представителей криминалитета. Повсеместно наблюдалось вы-

³ Богатство 1 % людей превысило состояние остальных 99 % жителей Земли. URL: <http://www.forbes.ru/news/310531-bogatstvo-1-lyudei-prevysilo-sostoyanie-ostalnykh-99-zhitelei-zemli>.

полнение ряда государственных функций организованной преступностью как теневой политической силой, действующей по правилам так называемого теневого права — неофициально-регулятора общественных отношений на основе «понятий».

В последнее время отмечается все больше данных в пользу признания скрытого существования в стране даже некоего теневого государства [28; 29]. Исключительная опасность последнего феномена в его глубокой конспиративности, когда под вывеской официально действующих структур фактически скрываются предатели государственных и общественных интересов, использующие властные полномочия в своекорыстных или иных низменных целях. Представляется, что эта «черная дыра» российского общества, пожалуй, самая опасная и едва ли не главный на сегодня криминогенный источник. Данная проблема пока еще очень мало исследована, за исключением вопросов, связанных с коррупцией.

Все это усугубляется явной неадекватностью формирующегося законодательства, в котором с помощью либеральных умозрительных конструкций делается попытка воздействовать на принципиально новые криминальные реалии.

Значительный криминогенный потенциал заложен в бюрократизации, закрытости и бесконтрольности властных структур, свертывании демократических институтов, отсутствии или пассивности элементов гражданского общества.

Самостоятельную криминогенную роль играют национально-этнические или религиозные конфликты политического характера, связанные с борьбой за власть на той или иной территории.

Совокупность перечисленных деформаций в политической сфере страны привела к росту взаимного недоверия, отчуждению государства и его граждан друг от друга, что, естественно, не могло не повлиять и на негативные параметры преступности, особенно коррупционной направленности.

Выдвижение в центр государственной политики личности, во многом, конечно, оправданное, в действительности осуществилось, на мой взгляд, несбалансированно. Гражданин и государство должны находиться в тонко выстроенных отношениях на основе уважения взаимных прав и ответственности, гуманизма и справедливости, без ущемления прав человека, но и без произвола чиновника или частного лица.

Вынужден обратить внимание и на деформации правовой политики, в частности в области борьбы с преступностью. Об этом уже много говорилось, но и сегодня мы наблюдаем неадекватность отечественной уголовной политики масштабам и степени современных криминальных угроз. В целом само российское государство оказалось в значительной мере «приватизированным» [30, с. 12].

Экономические факторы преступности.

Многие отечественные криминологи практически единодушны в оценках изначальной криминогенности общества рыночной экономики — капиталистического, в силу того что оно основано на частной собственности с неизбежным присвоением результатов чужого труда капиталистом как «эксплуататором в законе», духом индивидуализма, социальным расслоением, погоней за наживой и т.п. В свое время К. Маркс и Ф. Энгельс блестяще показали это в своих трудах. Данный вывод поддержали и развили, как известно, Э. Фромм, отнюдь не являвшийся марксистом, а также представители так называемой критической криминологии В. Чамблисс, В. Куинни и др.

Представляется, что экономическая основа преступности будет значительно подорвана там, где рыночные механизмы гармонично интегрированы с социальными регуляторами, сопровождаются (компенсируются) справедливой социальной политикой, ибо сама по себе рыночная экономика базируется на эгоистическом частном интересе и нуждается в определенном регулировании, «обуздании» государством.

Глубоким изъяном экономической системы СССР была, как известно, деформация отношений собственности, когда общественная собственность на деле являлась как бы «ничейной». В результате общество лишилось экономической свободы. Командно-административная система с ее внеэкономическим принуждением к труду постепенно привела экономику к стагнации, породила всеобщий дефицит и теневую экономику.

Масштабы теневой экономики неизмеримо выросли в постсоветские годы, и теперь уже само ее наличие следует признать основной экономической причиной преступности [31, с. 6]. Доля теневой экономики в России, по различным оценкам, составляет от 30 до 50 % ВВП, при этом наиболее вовлечена в теневую сферу рыночная торговля (50–55 % товарооборота),

внешнеэкономическая деятельность (55–60 %), добыча водных биоресурсов (до 75 %) [32, с. 40; 33, с. 161; 34, с. 169; 35, с. 193].

Сильным экономическим катализатором развития преступности в современной России стала приватизация, которая по своему характеру, темпам и направленности носила явно криминогенный характер. Более 70 % основных фондов страны при рыночной их стоимости 400 млрд дол. были проданы в 80–100 раз дешевле. М.И. Пискотин расценил итоги приватизации как «самое крупное в истории преступление, совершенное государственной властью против имущественных интересов своей страны, своего народа» [23, с. 277]. Без сомнения, такое использование власти для предоставления узкому слою людей возможностей для быстрого и легкого обогащения за счет государства и общества стало одной из основных причин существенного (на тот период) роста преступности и коррупции.

Эксперты полагают, что из России в постсоветский период было вывезено от 1,5 до 2,0 трлн дол. Уже к 2003 г. за рубежом было зарегистрировано более 100 тыс. офшорных компаний (в том числе и на Кипре) с российским капиталом. По данным, опубликованным в СМИ, к 2013 г. россиянами в офшорах было укрыто примерно 780 млрд дол. Большой общественный резонанс вызвала тема так называемого панамского офшора. Миллионы файлов из базы данных компании Mossack Fonseca раскрыли данные об офшорных счетах 140 политиков и госслужащих, в том числе мировых лидеров⁴.

Самостоятельной экономической причиной сложившегося в стране высокого уровня преступности (и особенно коррупции) является, как полагают некоторые специалисты, и сырьевой перекоп российской экономики. Значительна криминогенная роль и таких факторов, как структурная деформация российской экономики, снижение инвестиционной активности, усиление импортной зависимости экономики и т.д. [36, с. 528].

Деформации социальной сферы и преступность. Социальный антагонизм существовал, увы, и в советские годы в виде неафишируемой социальной прослойки — номенклатуры как правящего, привилегированного и по сути

эксплуататорского класса [37]. Н.Ф. Кузнецова к главным источникам преступности в современной России не без оснований относила возрождение социально-классового антагонизма между «новыми богатыми» (в основном криминального происхождения) и «новыми бедными» [там же, с. 77].

Глубокое социальное расслоение в нашей стране, пожалуй, имеет мало аналогов в мире. За постсоветское время в России появилась сотня долларовых миллиардеров. По последним данным, в 2016 г. российские миллиардеры увеличили свои капиталы на 34,5 млрд дол. Их состояние приближается к суммарному доходу всего остального населения страны. По этому показателю Россия находится в тройке мировых лидеров, однако здесь можно наблюдать существенную специфику: если в развитых странах состоятельное население превышает бедное в три раза, то у нас, наоборот, преобладают бедные. На долю 1 % самых богатых российских граждан приходится 71 % богатства всего остального населения. Состояние одного-двух богатейших миллиардеров эквивалентно состоянию беднейшей половины россиян. А в это время руководители и высшие чины многих госкорпораций получают оплату за свои не такие уж частые заседания в правлении этих компаний до 7 млн р., причем даже не в месяц, а в день. Если в советские годы самые состоятельные граждане были богаче самых бедных в шесть раз, то к 2000 г. разрыв уже составил 250 тыс. раз. Есть официальные данные Росстата, согласно которым в 2016 г. доход ниже прожиточного минимума в России имели 22,7 млн чел. (15,7 % от общего числа жителей страны). Если применить норматив ОЭСР и ЕС, то по этим критериям бедных в России оказывается около 25 % населения. Есть социологические исследования, проводящие границу бедности не по той или иной расчетной величине доходов, а по комплексу показателей, включая покупательную способность. Так, в конце июля 2016 г. Высшая школа экономики обнародовала данные очередного исследования уровня жизни населения России, согласно которому доля граждан, у которых денег не хватает на покупку одежды или даже продуктов питания, оценивалась в 41,4 %. Как оценки Росстата, так и другие расчеты показывают рост числа бедных в последние годы, в частности в последние два года налицо почти двукратный рост бедности [38–40].

⁴ См. подробнее: «Панамское досье»: офшорная свистопляска в клептократических государствах. URL: http://www.inopressa.ru/article/04Apr2016/inotheme/panam_obzor.html.

Основную деформацию социальной сферы российского общества существенно обостряет и множество других социальных изъянов. Это значительный дисбаланс в социально-территориальном развитии. Разница между самыми отстающими и самыми развитыми субъектами РФ составляет порядка 22–24 раз по величине ВРП на душу населения. Это также нарастающие уровни безработицы, маргинализации, алкоголизации и наркотизации. Хорошо известна прямая зависимость между уровнем потребления спиртного и уровнем преступности, особенно насильственной.

К сказанному добавим разрушение института семьи, масштабное семейное неблагополучие. В стране сегодня более 700 тыс. детей-сирот, более миллиона безнадзорных детей, ежегодно около 60 тыс. родителей лишаются родительских прав. На профилактическом учете состоят более 300 тыс. неблагополучных подростков [41].

Еще одной существенной деформацией социальной сферы является масштабное вовлечение населения в криминальную сферу, самовоспроизводство преступности и криминального образа жизни.

Деформации духовной сферы — идеологические (социально-психологические) факторы преступности. Советское общество при всей привлекательности социальных идеалов не было свободно от известных изъянов. Существовала жесткая цензура, не допускалось проявлений инакомыслия. Увы, в современной России духовная атмосфера оказалась еще более удушливой. Многие эксперты отмечают такие распространенные тенденции, как социальный пессимизм, нарастающее недоверие к власти, тревога и неуверенность в завтрашнем дне, подозрительность и агрессивность, правовая неграмотность и правовой нигилизм.

Уход нашего государства от выполнения сплывающей функции, ценностный конфликт с большинством населения разрывают узы горизонтального товарищества и углубляют аномию. Это фундаментальная угроза для России [42, с. 36]. Сегодня наше государство, к великому сожалению, практически самоустранилось от задачи формирования духовной культуры, воспитания нравственности, должного правосознания. Резко ослабла государственная поддержка и финансирование системы образования, науки и культуры. На фоне отсутствия

внятной и разделяемой народом государственной идеологии образовавшийся вакуум стал заполняться сомнительной моралью общества потребления, духом всеобщей продажности. В основе этой деформации лежит признание денег, капитала, собственности главной ценностью, что ведет к превращению всего и вся в товар и разменную монету, к отчуждению личности от общества и государства и наоборот. В результате в российском обществе стала доминировать психология индивидуализма. Согласно последним социологическим замерам, сегодня 56 % россиян на первое место ставят личное благополучие и только 36 % — благополучие государства⁵.

Но дело не только в этом. Мы видим, насколько сильное деструктивное и все более широкомасштабное воздействие на людей оказывают различного рода целенаправленные информационные, религиозные и социально-психологические воздействия, зомбирующие своих адептов, формирующие сектантские, экстремистские, шахидские и иные суицидальные настроения. Так, буквально на наших глазах в стране стремительно разрастается новое опаснейшее явление — вовлечение некими моральными уродами подростков с неустойчивой психикой в так называемые группы смерти. Только с января до начала марта 2017 г. на одном сайте «ВКонтакте» появилось около 3 млн сообщений с возможными призывами к суициду [43]. Есть данные, согласно которым с 2013 г. Россия вышла на первое место в Европе по количеству самоубийств среди подростков. Все это настоятельно требует незамедлительной криминализации таких деяний в виде нового состава — склонение к самоубийству [44]. Данная позиция, кстати говоря, была поддержана президентом РФ В.В. Путиным в его выступлении на расширенном заседании коллегии Министерства внутренних дел 9 марта нынешнего года⁶.

Таким образом, причинный комплекс преступности в современной России — это совокупность деформаций, выступающих как своего рода королевство кривых зеркал. Вместо социальной сплоченности и солидарности россий-

⁵ Крайний индивидуализм россиян и Москва как будущее Палермо. URL: <http://vestnik.ru/society/people/26447-krayniy-individualizm-rossiyan-i-moskva-kak-budushee-palermo.html>.

⁶ Расширенное заседание коллегии Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/51515>.

ское общество обнаруживает — об этом убедительно пишет А.И. Долгова — серьезный раскол на «легальное» и альтернативное, «теневое» общество [24]. Ущербность социума проявляется в реальном наличии внутри него теневой власти, теневого «права», теневой экономики, теневых социальных сил и теневой идеологии, которые в комплексе и являются источником преступности.

В этой связи задача декриминализации общества и эффективной борьбы с преступностью может быть решена только системно и совместно всеми его здоровыми силами на основе обеспечения высокого уровня и качества жизни населения, устойчивого и сбалансированного социально-экономического развития, гармонизации общественных отношений и социальной консолидации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Эминов В.Е. Причины преступности в России: криминологический и социально-психологический анализ / В.Е. Эминов. — М. : Норма, 2011. — 128 с.
2. Ларьков А.Н. Причины преступности в России / А.Н. Ларьков // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. — 2016. — № 6. — С. 16–24.
3. Антонян Ю.М. Почему люди совершают преступления. Причины преступности / Ю.М. Антонян. — М. : Камерон, 2005. — 304 с.
4. Кудрявцев В.Н. Причины преступности в России / В.Н. Кудрявцев, В.Е. Эминов. — М. : Норма, 2006. — 112 с.
5. Whose Law? What Order? A Conflict Approach to Criminology / ed. by W.J. Chambliss, M. Milton. — New York : John Wiley, 1976. — 272 p.
6. Quinney R. Critique of Legal Order: Crime Control in Capitalist Society / R. Quinney. — Boston : Little, Brown and Company, 1974. — 268 p.
7. Cohen A. Deviance and Control / A. Cohen. — New York, 1966.
8. Schur E.M. Our Criminal Society. The Social and Legal Sources of Crime in America / E.M. Schur. — New Jersey : Englewood Cliffs : Prentice-Hall, 1969. — 244 p.
9. Bloch H. Man, Crime, and Society: The Forms of Criminal Behavior / H.A. Bloch, G. Geis. — New York : Random House, 1962. — 642 p.
10. Gordon D. Capitalism, class and crime in America / D. Gordon // Crime and Delinquency. — 1973. — Vol. 19, № 2. — P. 181–196.
11. Горшенков Г.Н. Криминология как «расширенная наука» о преступности: время становления и развития / Г.Н. Горшенков. — Н. Новгород : Нижегород. правовая акад., 2015. — 172 с.
12. Фокс В. Введение в криминологию / В. Фокс. — М. : Политиздат, 1982. — 304 с.
13. Рывкина И.В. Социальные болезни современной России (публицистическое исследование) / И.В. Рывкина. — М., 2011. — 244 с.
14. Маркс К. Сочинения : в 39 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. — 2-е изд. — М. : Политиздат, 1955. — Т. 3. — 630 с.
15. Рейнвальд Н.И. Психология личности / Н.И. Рейнвальд. — М. : Изд-во Ун-та дружбы народов, 1987. — 197 с.
16. Ваджра А. Последние дни западного мироустройства [Электронный ресурс] / А. Ваджра. — Режим доступа: <http://ostkraft.ru/ru/articles/1799>.
17. Делягин М. Почему элиты предают свои народы? Особенности либерального сознания [Электронный ресурс] / М. Делягин. — Режим доступа: http://www.intelros.ru/pdf/svobodnay_misl/2015_05/2.pdf.
18. Моисеев Н.Н. Судьба цивилизации. Путь разума / Н.Н. Моисеев. — М. : Изд-во Междунар. независимого экол.-политол. ун-та, 1998. — 228 с.
19. Лунеев В.В. Эпоха глобализации и преступность / В.В. Лунеев. — М. : Норма, 2007. — 272 с.
20. Уткин А.И. Глобализация: процесс и осмысление / А.И. Уткин. — М. : Логос, 2001. — 271 с.
21. Форд Э. Опасная игра Путина. Между Рокфеллерами и Ротшильдами / Э. Форд. — М. : Алгоритм, 2015. — 224 с.
22. Долгова А.И. Преступность, ее организованность и криминальное общество / А.И. Долгова. — М. : Рос. криминол. ассоц., 2003. — 572 с.
23. Пискотин М.И. Россия в XX веке: неоконченная трагедия / М.И. Пискотин. — М. : Форум, 2001. — 442 с.
24. Кодин М.И. Россия в «сумерках» трансформаций. Эволюция, революция или контрреволюция? / М.И. Кодин. — М. : Молодая гвардия, 2001. — 185 с.
25. Травин Д. Путинская Россия: от рассвета до отката / Д. Травин. — СПб. : Дело, 2008. — 464 с.
26. Путин В.В. Жить по-человечески / В.В. Путин // Российская газета. — 2008. — 9 февр.
27. Нравственное государство. От теории к проекту / С.С. Сулакшин [и др.]. — М. : Наука и политика, 2015. — 424 с.
28. Пастухов В.Б. Реставрация вместо реформации. Двадцать лет, которые потрясли Россию / В.Б. Пастухов. — М. : ОГИ, 2012. — 528 с.
29. Колесников В.А. Теневое государство / В.А. Колесников // Известия. — 2002. — 28 окт.
30. Клямкин И. Теневая Россия / И. Клямкин, Л. Тимофеев. — М. : Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2000. — 595 с.
31. Сухарев А.Я. Декриминализация экономики и коррупция — угроза безопасности страны / А.Я. Сухарев // Экономическая преступность и коррупция : сб. науч. тр. — М., 2003. — С. 6–8.
32. Теневая экономика / Б.А. Дружинин (сост.). — М. : Экономика, 1991. — 164 с.
33. Гладких В.И. О некоторых вопросах экономической безопасности Российской Федерации: понятие, структура, противодействие / В.И. Гладких, Р.С. Юрмашев // Российский криминологический взгляд. — 2007. — № 1. — С. 159–168.

34. Гамза В.А. Что такое российская теневая экономика и как с ней бороться / В.А. Гамза // Государственная политика противодействия коррупции и теневой экономике : материалы Всерос. науч. конф., Москва, 6 июня 2007 г. — М. : Науч. эксперт, 2007. — С. 168–177.
35. Мациевский Н.С. Теневая Россия: истоки, сущность, причины, последствия / Н.С. Мациевский. — Томск : СТТ, 2015.
36. Экономическая безопасность России. Общий курс : учеб. пособие / под ред. В.К. Сенчагова. — 2-е изд. — М. : Дело, 2005. — 896 с.
37. Криминология : учебник / под науч. ред. Н.Ф. Кузнецовой, В.В. Лунеева. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Волтерс Клувер, 2007. — 228 с.
38. Смирнов В. Патология неравенства [Электронный ресурс] / В. Смирнов // Эксперт. — 2016. — № 50. — Режим доступа: <http://expert.ru/2016/12/6/patologiya-neravenstva>.
39. Барышников В. Бедность [Электронный ресурс] / В. Барышников. — Режим доступа: <http://ru.krymr.com/a/28274998.html>.
40. Баллен А. В России растет пропасть между богатыми и бедными [Электронный ресурс] / А. Баллен. — Режим доступа: <https://www.inopressa.ru/article/13Mar2017/standard/russia1.html>.
41. Фалалеев М. Нурғалиев заглянул в семью / М. Фалалеев // Российская газета. — 2008. — 26 марта.
42. Кара-Мурза С.Г. Аномия в России: причины и проявления / С.Г. Кара-Мурза. — М. : Науч. эксперт, 2013. — 264 с.
43. Мурсалиева Г. Жмите на кнопку: «пожаловаться — призыв к суициду» / Г. Мурсалиева // Новая газета. — 2017. — 6 марта.
44. Козлова Н. За склонение к суициду посадят на восемь лет / Н. Козлова // Российская газета. — 2016. — 7 июня.

REFERENCES

1. Eminov V.E. *Prichiny prestupnosti v Rossii: kriminologicheskii i sotsial'no-psikhologicheskii analiz* [Growth of Criminality in Russia: Criminological and Socio-Psychological Analysis]. Moscow, Norma Publ., Infra-M Publ., 2011. 128 p.
2. Lar'kov A.N. The causes of crime in Russia. *Vestnik Akademii General'noi prokuratury Rossiiskoi Federatsii = Bulletin of the Academy of the RF Prosecutor General's Office*, 2016, no. 6, pp. 16–24. (In Russian).
3. Antonyan Yu.M. *Pochemu lyudi sovershayut prestupleniya. Prichiny prestupnosti* [Why People Commit Crimes. Causes of Crimes]. Moscow, Kameron Publ., 2005. 304 p.
4. Kudryavtsev V.N., Eminov V.E. *Prichiny prestupnosti v Rossii* [Growth of Criminality in Russia]. Moscow, Norma Publ., 2006. 112 p.
5. Chambliss W.J., Mankoff M. (eds). *Whose Law? What Order? A Conflict Approach to Criminology*. New York, John Wiley, 1976. 272 p.
6. Quinney Richard. *Critique of Legal Order: Crime Control in Capitalist Society*. Boston, Little, Brown and Company, 1974. 268 p.
7. Cohen A. *Deviance and Control*. New York, 1966.
8. Schur E.M. *Our Criminal Society. The Social and Legal Sources of Crime in America*. New Jersey, Englewood Cliffs, Prentice-Hall, 1969. 244 p.
9. Bloch H., Geis D. *Man, Crime, and Society: The Forms of Criminal Behavior*. New York, Random House, 1962. 642 p.
10. Gordon D. Capitalism, Class and Crime in America. *Crime and Delinquency*, 1973, vol. 19, no. 2, pp. 181–196.
11. Gorshenkov G.N. *Kriminologiya kak «rasshirennaya nauka» o prestupnosti: vremya stanovleniya i razvitiya* [Criminology as the «extended science» of crime: the time of establishment and development]. Nizhny Novgorod Law Academy Publ., 2015. 172 p.
12. Foks V. *Vvedenie v kriminologiyu* [An Introduction to Criminology]. Moscow, Politizdat Publ., 1982. 304 p.
13. Ryvkina I.V. *Sotsial'nye bolezni sovremennoi Rossii (publitsisticheskoe issledovanie)* [Social Illnesses of Contemporary Russia (A Journalistic Study)]. Moscow, 2011. 244 p.
14. Marx K., Engels F. *Sochineniya* [Selected Works in 39 volumes]. 2nd ed. Progress Publ., 1955. Vol. 3. 630 p.
15. Reinval'd N.I. *Psikhologiya lichnosti* [The Psychology of a Person]. Moscow, People's Friendship University of Russia Publ., 1987. 197 p.
16. Vadzhra A. *Poslednie dni zapadnogo miroostroistva* [The last days of western world order]. Available at: <http://ostkraft.ru/ru/articles/1799>. (In Russian).
17. Delyagin M. *Pochemu elity predayut svoi narody? Osobennosti liberal'nogo soznaniya* [Why do elites betray their people? Features of a liberal mind]. Available at: http://www.intelros.ru/pdf/svobodnay_misl/2015_05/2.pdf. (In Russian).
18. Moiseev N.N. *Sud'ba tsivilizatsii. Put' razuma* [The Fates of Civilizations. The Path of Mind]. Moscow, International Independent Eco-Politological University Publ., 1998. 228 p.
19. Luneev V.V. *Epokha globalizatsii i prestupnost'* [The Epoch of Globalization and the Crime]. Moscow, Norma Publ., 2007. 272 p.
20. Utkin A.I. *Globalizatsiya: protsess i osmyslenie* [Globalization: the Process and the Understanding]. Moscow, Logos Publ., 2001. 271 p.
21. Ford E. *Opasnaya igra Putina. Mezhdru Rokfellerami i Rotshil'dami* [Putin's Dangerous Game. Between the Rockefellers and the Rothschilds]. Moscow, Algoritm Publ., 2015. 224 p.
22. Dolgova A.I. *Prestupnost', ee organizovannost' i kriminal'noe obshchestvo* [Criminality, its Organizations and the Criminal Community]. Moscow, Russian Association for Criminology Publ., 2003. 572 p.
23. Piskotin M.I. *Rossiya v XX veke: neokonchennaya tragediya* [Russia in the 20th Century: an Unfinished Tragedy]. Moscow, Forum Publ., 2001. 442 p.
24. Kodin M.I. *Rossiya v «sumerkakh» transformatsii. Evolyutsiya, revolyutsiya ili kontrrevolyutsiya?* [Russia in the «Twilight» of Transformations. Evolution, Revolution or Counter-Revolution?]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2001. 185 p.
25. Travin D. *Putinskaya Rossiya: ot rassveta do otkata* [Putin's Russia: from Dawn till Kickback]. Saint Petersburg, Delo Publ., 2008. 464 p.

26. Putin V.V. Live like a human. *Rossiiskaya Gazeta*, 2008, February 9. (In Russian).
27. Sulakshin S.S. et al. *Nravstvennoe gosudarstvo. Ot teorii k proektu* [Moral State. From Theory to Project]. Moscow, Nauka i politika Publ., 2015. 424 p.
28. Pastukhov V.B. *Restavratsiya vmesto reformatsii. Dvadsat' let, kotorye potryasli Rossiyu* [Restoration instead of Reforms. Twenty Years that Shook Russia]. Moscow, OGI Publ., 2012. 528 p.
29. Kolesnikov V.A. Shadow state. *Izvestiya*, 2002, October 28. (In Russian).
30. Klyamkin I., Timofeev L. *Tenevaya Rossiya* [Shadow Russia]. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 2000. 595 p.
31. Sukharev A.Ya. Criminalization of the economy and corruption — threat to the security of the country. *Ekonomicheskaya prestupnost' i korrupsiya* [Economic Crime and Corruption]. Moscow, 2003, pp. 6–8. (In Russian).
32. Druzhinin B.A. (ed.). *Tenevaya ekonomika* [Shadow Economy]. Moscow, Ekonomika Publ., 1991. 164 p.
33. Gladkikh V.I., Yurmashev R.S. On some aspects of economic security of the Russian Federation: concept, structure, counteraction. *Rossiiskii kriminologicheskii vzglyad = Russian Criminological Outlook*, 2007, no. 1, pp. 159–168. (In Russian).
34. Gamza V.A. What is Russian shadow economy and how to fight it. *Gosudarstvennaya politika protivodeistviya korrupsii i tenevoi ekonomike v Rossii. Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii. Moscow, 6 iyunya 2007 g.* [State Policy of Corruption and the Shadow Economy Counteraction in Russia. All-Russian Scientific Conference. Moscow, 6 June, 2007]. Moscow, Nauchnyi ekspert Publ., 2007, pp. 168–177. (In Russian).
35. Matsievskii N.S. *Tenevaya Rossiya: istoki, sushchnost', prichiny, posledstviya* [Shadow Russia: Sources, Essence, Causes, Consequences]. Tomsk, STT Publ., 2015.
36. Senchagov V.K. (ed.). *Ekonomicheskaya bezopasnost' Rossii. Obshchii kurs* [Economic Security in Russia. A General Course]. 2nd ed. Moscow, Delo Publ., 2005. 896 p.
37. Kuznetsova N.F., Luneev V.V. (eds). *Kriminologiya* [Criminology]. 2nd ed. Moscow, Volters Kluver Publ., 2007. 228 p.
38. Smirnov V. The pathology of inequality. *Ekspert = Expert*, 2016, no. 50. Available at: <http://expert.ru/2016/12/6/patologiya-neravenstva>. (In Russian).
39. Baryshnikov V. *Bednost'* [Poverty]. Available at: <http://ru.krymr.com/a/28274998.html>. (In Russian).
40. Ballen A. *V Rossii rastet propast' mezhdou bogatymi i bednymi* [The abyss between the rich and the poor in Russia is growing]. Available at: <https://www.inopressa.ru/article/13Mar2017/standard/russia1.html>. (In Russian).
41. Falaleev M. Nurgaliyev called on a family. *Rossiiskaya Gazeta*, 2008, March 26. (In Russian).
42. Kara-Murza S.G. *Anomiya v Rossii: prichiny i proyavleniya* [Anomie in Russia: Causes and Manifestations]. Moscow, Nauchnyi ekspert Publ., 2013. 264 p.
43. Mursaliev G. Press the button: «complain — urging to commit suicide». *Novaya gazeta*, 2017, March 6. (In Russian).
44. Kozlova N. You will get eight years in prison for urging somebody to commit suicide. *Rossiiskaya Gazeta*, 2016, June 7. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Номоконов Виталий Анатольевич — профессор кафедры уголовного права и криминологии Дальневосточного федерального университета, директор Центра по изучению организованной преступности и коррупции, доктор юридических наук, профессор, г. Владивосток, Российская Федерация; e-mail: nomokonov@rambler.ru.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Номоконов В.А. Причины преступности в современной России: проблема обостряется / В.А. Номоконов // Всероссийский криминологический журнал. — 2017. — Т. 11, № 2. — С. 247–257. — DOI: 10.17150/2500-4255.2017.11(2).247-257.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nomokonov, Vitaly A. — Professor, Chair of Criminal Law and Criminology, Far Eastern Federal University, Head, Center of Studying Organized Crime and Corruption, Doctor of Law, Professor, Vladivostok, the Russian Federation; e-mail: nomokonov@rambler.ru.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Nomokonov V.A. Causes of crime in contemporary Russia: the problem is getting worse. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2017, vol. 11, no. 2, pp. 247–257. DOI: 10.17150/2500-4255.2017.11(2).247-257. (In Russian).